

Чтиво

Советско-светский салон

Личная жизнь Всеволода Эмильевича в советские времена сложилась совершенно иначе, нежели до революции. Можно было бы даже сказать, что то были два диаметрально противоположных уклада двух совершенно разных по характеру и по духу семей.

В былые времена в Петербурге дома у Мейерхольда царила скромная и серьезная обстановка покоя, порядка, деловой сосредоточенности. Теперь же московская четырехкомнатная квартира В. Э. в Брюсовом переулке стала одним из самых шумных и модных салонов столицы, где на еженедельных вечеринках встречались элита советского художественного и литературного мира с представителями правительственных и партийных кругов. Здесь можно было встретить Книппер-Чехову и Москвину, Маяковского и Сельвинского, знаменитых балерин и певцов из Большого театра, виднейших московских музыкантов так же, как и большевистских вождей всех рангов за исключением, конечно, самого высшего. Луначарский, Карахан, Семашко, Енукидзе, Красин, Раскольников, командиры Красной Армии с двумя, тремя и четырьмя ромбами в петлицах, самые главные чекисты — Ягода, Прокофьев, Агранов и другие — все бывали гостями на вечеринках у Всеволода Эмильевича. Веселые собрания устраивались на широкую ногу. Столы ломились от бутылок и блюд с самыми изысканными дорогими закусками, какие только можно было достать в Москве. В торжественных случаях подавали приглашенные из «Метрополя» официанты, приезжали цыгане из Арбатского подвала, и вечеринки затягивались до рассвета. В избранном обществе мейерхольдовских гостей можно было часто встретить «знатных иностранцев» — корреспондентов западных газет, писателей, режиссеров, музыкантов, наезжавших в Москву в середине и в конце 20-х годов.

Атмосфера царила весьма непринужденная, слегка флиртующая, с густым налетом богемы, вполне в московском стиле времен нэпа. Заслуженные большевики, командиры и чекисты ухаживали за балеринами, а в конце вечеров — и за цыганками, иностранные корреспонденты и писатели закусывали водку зернистой икрой и вносили восторженные записки в свои блокноты о блестящем процветании нового коммунистического общества, пытаясь вызвать на откровенный разговор «по душам» кремлевских комиссаров и лубянский джентльменов с четырьмя ромбами на малиновых петлицах. Тут же плелись сети шпионажа и политических интриг. Глава московского отдела Ассошиэйтед Пресс В. Резвик в своей книге «I Dreamt Revolution» рассказывает, как на одной из мейерхольдовских вечеринок агент советской военной разведки попытался вовлечь его в большую шпионскую аферу.

Сейчас может создаться впечатление, что квартира Мейерхольда была выбрана руководителями советской тайной полиции в качестве одного из удобных мест, где с помощью всевозможных приятных средств, развязывающих языки и делающих податливыми самых осторожных и осмотрительных людей, можно было с большим успехом «ловить рыбу в мутной воде».

Но только ли инициатива Лубянки была в этом шумном, светлом образе жизни В. Э.? Был ли это приказ по партийной линии знаменитому режиссеру, в течение всей первой половины своей биографии отличавшемуся исключительной

скромностью и сдержанностью во всем, что касалось его личной жизни? К сожалению, это было не так. Советско-светский салон под сенью ГПУ вошел в быт Мейерхольда лишь как следствие. Причиной же этой разительной перемены в его жизни так же, как и перемены в нем самом, была его вторая жена Зинаида Райх — полная противоположность его первой жене О. М. Мунт во всем.

Любовь и боль

Райх была чрезвычайно интересной и обаятельной женщиной, обладавшей в очень большой степени тем необъяснимым драгоценным качеством, которое по-русски называется «поди сюда», а на Западе известно под именем sex appeal. Всегда была она окружена большим кругом поклонников, многие из которых демонстрировали ей свои пылкие чувства в весьма откровенной форме.

Райх любила веселую и блестящую жизнь: любила вечеринки с танцами и ресторанами с цыганками, ночные балы в московских театрах и банкеты в наркоматах. Любила туалеты из Парижа, Вены и Варшавы, котиковые и каракулевые шу-

его страстная любовь приняла болезненный оттенок под влиянием характера и поведения Райх. Мало-помалу его ревность развилась и приняла фантастические размеры, являясь постоянной темой разговора его друзей и вызывая изумление и сожаление. Он ревновал Райх ко всем, к кому только можно было ревновать, иногда даже и к женщинам. Порождением его ревности являлись их постоянные ссоры. Часто он устраивал бурные сцены, не стесняясь присутствия друзей и знакомых. На одном из приемов в честь иностранных режиссеров в ВОКСе (Всеобщее общество культурной связи с заграницей) он начал ссору во время ужина, встал из-за стола, швырнул салфетку и ушел, оставив жену одну. Раз в Париже довел Райх до того, что она выскочила из автомобиля на ходу и пыталась убежать. Он остановил тотчас же машину посреди улицы и бросился догонять ее.

На их приемах и вечерах интересная, общительная и остроумная Райх была неизменно притягивающим центром общества. И привлекательность, и очарование хозяйки умело использовали лубянский начальники, сделав из

В 30-е годы Юрий Елагин работал в московских театрах. В годы войны на волне так называемой второй эмиграции оказался на Западе, где и написал книгу «Темный гений», впервые опубликованную в Нью-Йорке в 1955 году. Книга Елагина и по сей день остается лучшей биографией великого режиссера, рассказывающей о его личности и о театральной деятельности. Кем был Мейерхольд — шарлатаном или гением, любителем дешевых сенсаций и сомнительных экспериментов или великим строителем нового театра, развязным выскочкой или вдохновенным и тонким художником? Ответы на эти вопросы пытается дать Юрий Елагин в своей книге, которая вскоре выйдет в издательстве «Вагриус».

Юрий ЕЛАГИН

Главы из книги

серьезные организационные нелады в его театре, тесно связанные с некоторыми особенностями его личной жизни того времени, во-вторых, начавшееся в 1927 году ослабление его контактов в правящих кругах и некоторое, вначале, правда, не слишком заметное, ухудшение его положения в политическом смысле в связи с возвышением Сталина и сталинской клики и вытеснением «правых» из государственной жизни страны.

Объективной причиной кризиса являлась становившаяся для него все более трудной проблема современного репертуара. Однако начало всех его последующих больших неприятностей лежало прежде всего в нем самом и в Райх.

Несмотря на многочисленные его положительные качества, он никогда не принадлежал ни к великим педагогам, ни к большим организаторам. Только одной единственной чертой не хватало в нем, но этого оказалось достаточно, чтобы радость создания монолитного органического театрального коллектива, преданного ему и его идеям, оказалась неизведанной им никогда. Он был очень личным, крайне пристрастным человеком. Мудрая объективность, бескорыстное, жертвенное служение искусству — чем в такой высокой степени обладали великие создатели театров Станиславский и Вахтангов — этими качествами не обладал Мейерхольд.

Диктат
примадонны

Атмосфера в ТИМЕ ко второй половине 20-х годов стала во многом напоминать закулисную атмосферу старомодного частного театра, где примадонна была супругой или дамой сердца антрепренера и посему пользовалась весьма значительным влиянием в художественных вопросах, используя его, конечно, для своей собственной выгоды.

Именно такая атмосфера создавалась в театре великого революционного режиссера, долженствовавшего служить примером для всех революционных театров мира, и, создавшись, повлекла за собой цепь несправедливостей, обид и интриг, забытых в большинстве лучших театров России еще с дней основания Московского Художественного театра.

Во МХАТе так же, как и в его студии, так же, как и в театре Вахтангова, личные взаимоотношения между самыми ответственными из руководителей и актерами и актрисами не играли никакой роли в художественной деятельности театра, и не оказывали на нее ни малейшего влияния. Например, в театре им. Вахтангова ни одной актрисе никогда не могло даже в голову прийти, что ее подруга получила ту или иную роль благодаря протекции влиятельного покровителя, либо самой попросить кого-нибудь из друзей замолвить за нее словечко на художественном совещании. Полная объективность художественного руководства была абсолютной вне всяких сомнений и подозрений.

К сожалению, все это не относилось к ТИМу. Всеволод Эмильевич был полновластным диктатором в своем театре, и это было, конечно, совершенно естественно. Хотя именно из-за его диктаторских замашек ушли из ТИМа еще осенью 1922 года его выдающиеся ученики С. Эйзенштейн и Г. Александров. Но уже совсем плохо было то, что диктатура его определялась не только интересами искусства, но иногда и интересами его жены. Он всячески выдвигал и рекламировал Райх, часто в ущерб художественным достоинствам его постановок, потому что, хотя благодаря его исключительным усилиям актерская техника его супруги сильно улучшилась с течением времени, все

же Райх ни в одном из больших русских театров того времени никогда не могла бы претендовать на первое положение. В. Э. отдавал ей все роли, какие она хотела получить. Ставя «Ревизора», он выдумал сложные добавления и изменения гоголевского оригинала специально для того, чтобы сделать роль Анны Андреевны — ее роль — центральной ролью спектакля. В начале 1928 года он возобновил постановку «Великодушного Рогонца», посвятив ее Райх («верному другу и товарищу З. Р.») и дал ей играть роль Стеллы. Странно, что такой огромный художник, как он, ослепленный своим чувством, не увидел, что эта роль, требовавшая от исполнительницы воздушной легкости и гимнастической ловкости, совершенно не подходила грузной и располневшей Райх и провал его супруги был совершенно неминуем. Он и не замедлил последовать, сопровождаемый саркастическими замечаниями московских критиков (Тальников в «Современном театре» от 28 февраля 1928 года).

Но что было гораздо хуже, нездоровая обстановка ТИМа являлась основной причиной того, что его лучшие актеры начали уходить от него. Вскоре после премьеры «Ревизора» ушла в Театр Революции Бабанова — это был очень большой удар для мейерхольдовской труппы. В течение второй половины 20-х годов ушли Охлопков, Орлов, Штраух, Гарин, Ахонтов, Свердлин. Давно уже возвратился в родной Вахтанговский театр Захава. Из всей блестящей труппы воспитанников первых выпусков его «вольных мастерских» один лишь Игорь Ильинский (не считая, конечно, Райх) преданно остался до самого конца со своим учителем, мужественно перенося все многочисленные трудности, которые по воле сталинских властей предстояло испытать ТИМу.

К концу 20-х годов по своему актерскому составу театр Мейерхольда уже никак нельзя было причислить к категории московских театров первого класса. С этих пор престиж ТИМа как в советском, так и в западном театральном мире будет держаться только на высокой репутации его знаменитого руководителя. Опять, как в былые петербургские времена, Мейерхольду приходилось иметь дело с недостаточной квалифицированной труппой.

Вскоре к актерскому кризису ТИМа присоединился кризис современного репертуара.

Вмешательство
Кремля

Единственным художественным компромиссом, на который оказался способным идти Мейерхольд, был компромисс с его собственной женой. В отношении же советской власти он оказался на редкость неуступчивым.

Во времена нэпа давление на театры со стороны правительства было совершенно незначительным и выражалось главным образом в рутинной главреперткомовской цензуре. Но в 1927 году, когда Сталин закончил завоевание власти, разгромил группу Троцкого и начал свое «обострение классово-борьбы», положение резко изменилось.

Еще только прошлой осенью 1926 года сатирическая комедия М. Булгакова «Зойкина квартира», концертно поставленная и разыгранная в театре Вахтангова, была восторженно встречена даже центральной партийной прессой. А через год этот великолепный спектакль был снят с репертуара «по требованию советской общественности» как «идеологически невыдержанный и классово чуждый».

Современный репертуар был Мейерхольду нужен, как воздух. Но обращаться к политически выдержанным драматическим произведениям новой сталинской формации он все-таки не хотел. К этому времени относятся его несколько отчаянных попыток заполнить в портфеле театра пьесы немногих советских писателей, которых он считал талантливыми и которые действительно были таковыми.

В «Литературной газете» от 9 декабря 1935 года приведен текст телеграммы, посланной им Маковскому 4 мая 1928 года.

«Последний раз обращаю моему благоумию. Театр погибает. Нет пьес. Репертуар снижать не хочу. Прошу серьезного ответа, можем ли мы рассчитывать получить твою пьесу течение лета. Телеграфно срочно. Свердловск. Центральная гостиница. Мейерхольд».

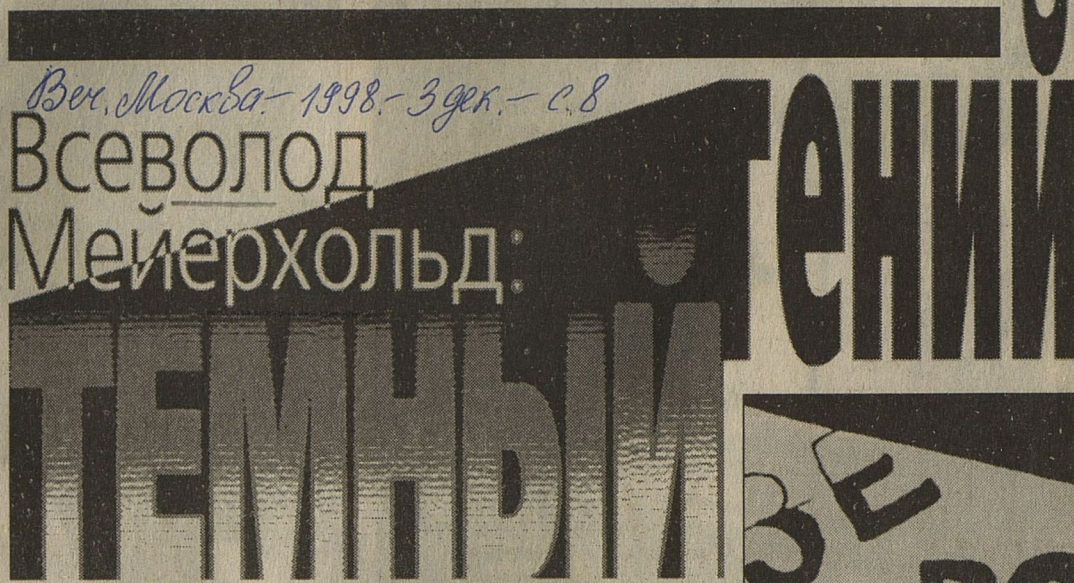
В это же время он сделал писателю героическое усилие поставить новую блестящую комедию Эрдмана «Самобийца».

Эта острая сатирическая пьеса на тему о бунте личности против безнадежной и беспросветной тоскливо-серой жизни советских обывателей была уже до того принята к постановке театром Вахтангова, но вскоре запрещена Главреперткомом за «клевету на советскую действительность».

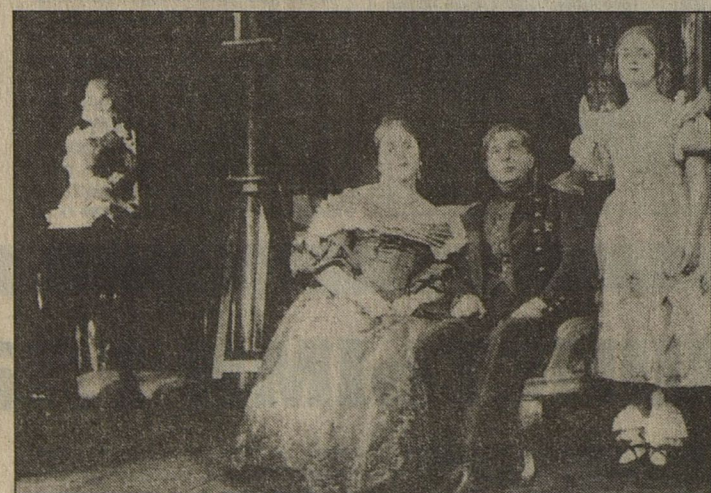
Мейерхольд при помощи своих связей (Рыков все еще был председателем Совнаркома) добился отмены запрещения исключительно для своего театра и с удивленной энергией принял за постановку «Самобийца». Спектакль был доведен до генеральных репетиций, но в самый последний момент, после личного вмешательства Сталина, был запрещен специальным приказом ЦК. Этот инцидент, без сомнения, весьма способствовал ухудшению и без того не слишком благоприятных отношений между вождем Театрального Октября и будущим «отцом народов».

В. Э. болезненно реагировал на это первое открытие вмешательства Кремля в его творческую деятельность.

Вскоре (летом 1928 года) советское правительство послало на Международный фестиваль в Париже два московских театра: Театр им. Вахтангова и ТИМ. Спектакли обоих театров были восторженно приняты и публикой, и прессой французской столицы, и В. Э. решил использовать этот свой первый международный успех самым неожиданным образом. Он возбудил официальное ходатайство перед Совнаркомом о разрешении ему и его театру остаться за границей на том основании, что в Советском Союзе ввиду репертуарного кризиса ему нечего ставить и нечего делать. Само собой разумеется, что хлопоты его встретили самый решительный отказ и ТИМ после 14-дневного пребывания в Париже благополучно возвратился в Москву.

В.Э. Мейерхольд и З.Н. Райх. 1932 г.

Сцена из спектакля «Ревизор» по комедии Н.В. Гоголя. Постановка В.Э. Мейерхольда. Гостим. 1926 г.

бы, французские духи (стоившие тогда в Москве по 200 рублей за маленький флакон), пудра Коти и шелковые чулки... и любила поклонников. Нет никаких оснований утверждать, что она была верной женой В. Э., скорее есть данные думать совершенно противоположное. Также трудно допустить, что она осталась незапущанной в сети лубянской агентуры. В жизнь своего второго мужа (первый был Сергей Есенин) она внесла перманентную драму и полное отсутствие душевного покоя. Так, видно, было угодно судьбе Всеволода Эмильевича, что как раз тогда, когда в творчестве своем вступил он в пору высшего расцвета, когда достиг откровений в искусстве, о которых мечтал и к которым стремился с молодых лет, — как раз в это время вошел в его жизнь трагический, деструктивный элемент, развившийся с течением времени в серьезный душевный надлом, подтачивавший его созидательную работу, затмивший ясность его сознания если не художника, то руководителя театрального коллектива, ограничивший в конечном итоге его творческие достижения. Он любил Райх болезненно и страстно. Точнее было бы сказать, что со временем

мейерхольдовской резиденции модный московский салон «с иностранцами».

Райх играла первую скрипку в их супружеском союзе. Мало что осталось от того бережного внимания, каким всегда были окружены он и его работа со стороны первой жены. Сейчас в их доме хозяином был не он, а Райх. Ее родители жили рядом с ними (в течение двух периодов даже вместе с ними в одной квартире) и проводили лето на подмосковной даче Мейерхольдов. В. Э. теперь почти совсем не работал дома, предпочитая свой хорошо обставленный комфортабельный кабинет в ТИМЕ.

Кризис жанра

Самого Всеволода Эмильевича никогда не пытались вовлечь в чехистские интриги. Все его поведение до самого конца с несомненной очевидностью говорит об этом. В течение второй половины 20-х годов и позже в связи с его личными неурядицами, а потом и по другим более объективным причинам, развивавшимся в нем раздвоенность, несдержанность, постоянное душевное напряжение. И, однако, его порядочность неизменно продолжала оставаться

такой же безупречной, как и раньше. Теперь можно было бы найти даже больше свидетельств его сердечности и внимания к человеческому горю, нежели в Петрограде в годы военного коммунизма. Только Енукидзе и Ягода знали, сколько раз он беспокоил их своими просьбами за своих арестованных друзей и знакомых. Да и не только за них. Друзья просили его за своих друзей, знакомых — за своих знакомых, и почти никогда не отказывал он никому. Даже если в других московских театрах арестовывался кто-нибудь из слухивших в нем «бывших», то часто выручал их с Лубянки В. Э. Мейерхольд, обычно даже не зная лично, о ком хлопотал, как это было, например, с графом Н. П. Шереметевым — музыкантом из Театра им. Вахтангова.

Впрочем, к этому театру и ко всем вахтанговцам относился он с трогательным вниманием вплоть до разрыва в 1930 году. Когда в 1923 году осиротевшая Вахтанговская студия возвратилась в Москву после финансового неудачной поездки по скандинавским странам и по Германии, то ее ждала, казалось, неминуемая ликвидация. Лишь благодаря энергичным усилиям и хлопотам Мейерхольда все трудности были преодолены и студия могла продолжать свою деятельность. Вынужденный Театр им. Вахтангова обзавел своим существованием Мейерхольду. Помня ли об этом сегодняшние руководители этого театра, носящего до сих пор имя Вахтангова?

«Ревизор» — последний спектакль блестящего периода творчества Мейерхольда, начавшегося весной 1922 года постановкой «Великодушного Рогонца».

Вскоре после первого представления «Ревизора» целый ряд разнообразных причин и несчастий сложившихся обстоятельств привел к образованию тяжелого, хронического кризиса в его творчестве, в свою очередь вызвавшего вначале постепенную, незаметную для постороннего наблюдателя, а затем все более стремительную и явную художественную деградацию его театра.

К субъективным причинам этого кризиса принадлежали: во-первых,